

**Вкладные и кормовые книги
Ростовского Борисоглебского
монастыря в XV, XVI, XVII и
XVIII столетиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В56

В56 Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 161 с.

ISBN 978-5-519-83595-4

ISBN 978-5-519-83595-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВКЛАДНЫЯ И КОРМОВЫЯ КНИГИ

РОСТОВСКАГО БОРИСОГЛАВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

О ЗНАЧЕНІИ ВКЛАДНЫХЪ И КОРМОВЫХЪ КНИГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Значеніе «Вкладныхъ и Кормовыхъ Книгъ». — Раздѣленіе монастырскихъ кормовъ на большіе, средніе и малые. — Источники монастырскаго богатства. — Закрѣпленіе сѣлъ, деревень и людей. — Выкупъ имѣній у монастыря. — Коневодство. — Охрана отъ разбойниковъ. — Книги, какъ жертвы для «духовной пищи». — Пища тѣлесная. — Вольное постриженіе въ монахи и плата за него. — Составъ монашествующей братіи: вдовы попы, крестьяне, подъячіе и т. д. — Монастырскіе служки. — Больница. — Отношенія Ивана IV Грознаго къ монастырю: его вклады за умершихъ женъ, за убитаго сына-царевича и за «опальныхъ людей». — Невольныя постриженія. — Слѣды «выборнаго начала» въ древнемъ Ростовѣ. — Вклады Бориса Годунова и первыхъ Романовыхъ. — Вклады изъ иныхъ епархій. — Монастырскій счетъ на серебряные и мѣдные рубли. — Кабалы. — Угошеніе ростовскихъ воеводъ и подъячихъ. — Изгнаніе изъ монастыря. — Женскіе вклады. — Вопросъ объ утратѣ вкладовъ, имѣющихъ церковную и археологическую важность.

О значеніи вкладныхъ и кормовыхъ книгъ.

(Вмѣсто предисловія).

Древняя Ростовская область, нѣкогда чрезмѣрно богатая монастырями, имѣла важное значеніе въ исторіи русской церкви. На ростовской почвѣ процвѣтали ипоческіе пріюты, т. е. монастыри, болѣе или менѣе богатые, болѣе или менѣе знаменитые по святости жизни своихъ „старцевъ“. Но слѣдуетъ замѣтить, что понятіе о „старцѣ“ далеко не всегда соединялось съ понятіемъ о человѣкѣ преклопныхъ лѣтъ, который, всецѣло отрѣкшійся отъ суеты міра сего, принялъ ангельскій чинъ. Напротивъ, въ монастыряхъ были здоровые, полные тѣлесныхъ силъ „старцы“, едва вступившіе въ періодъ мужества и, слѣдовательно, легко подчинявшіеся соблазнамъ и увлеченіямъ, которые проникали къ нимъ за монастырскія высокія стѣны въ видѣ излишняго чревоугодія и другихъ слабостей, всегда присущихъ человѣческой природѣ.

Издаваемая мною книга содержитъ въ себѣ, по моему мнѣнію, довольно цѣнный матеріалъ для изученія бытовой стороны монастырской жизни. Она—эта жизнь—папомнила собою скорѣе бытъ добрыхъ зажиточныхъ хозяевъ, чѣмъ бытъ аскетовъ-отшельниковъ, умерщвлявшихъ

свою плоть, ради спасенія души.—Кому изъ образованныхъ русскихъ людей не извѣстны типы монаховъ, изображенныхъ Пушкинымъ въ *Борисѣ Годуновѣ*—въ знаменитой сценѣ: „Корчма на Литовской границѣ“? Но тотъ-же великій поэтъ, кромѣ старцевъ Мисаила и Варлаама, представилъ памъ и другого старца—лѣтописца Пимена—еще въ болѣе превосходной сценѣ: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ“.—Двойственность монастырской жизни, ея темныя и свѣтлыя стороны воспроизведены Пушкинымъ съ поразительною истиной.—Обрѣтались-ли Пимены въ той святой обители, о которой я говорю, въ точности неизвѣстно; но что въ ней жили добродушно-веселые старцы Мисаилы и Варлаамы, это не подлежитъ сомнѣнiю: о томъ свидѣлствуютъ „Книги вкладныя и кормовыя“ ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря.

Документы, подобные настоящему, повидимому не имѣютъ существенной исторической важности. Но это лишь только такъ, повидимому. Въ дѣйствительности-же, путемъ внимательнаго изученiя ихъ, невольно сознаешь цѣнность ихъ для исторiи. Самая сухая монастырская лѣтопись, гласящая объ однихъ только „кормахъ“ для братiи, все-таки обрисовываетъ матеріальный бытъ сей братiи—въ связи съ нравственнымъ ея пастроенiемъ. Последнее есть необходимое слѣдствiе перваго. Убогiй и голодный аскетъ-монахъ, конечно, долженъ былъ многими отличатся и въ мысляхъ, и въ дѣянiяхъ отъ инока, коему доставлялся, почти цѣлый годъ,

вкусныя и обильныя даровыя яства, или такъ называемыя „кормы“.

Лѣтописцы ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря вели свои „кормовыя книги“ съ единственною благой цѣлью доподлинно знать: когда именно и какой именно „кормъ“ должно предлагать братіи, т. е. „большой кормъ“, „средній“, или „меньшій“. Разница между ними обуславливалась цѣппостью вкладовъ, поступавшихъ въ монастырскую казну. Жертвовали больше: кормили вкуснѣе; давали меньше: кормили не такъ сытно. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, въ чемъ заключалось различіе *большого корма* отъ *средняго* и послѣдняго отъ *меньшаго*. Видно только, что въ концѣ XVI-го и въ первыхъ годахъ XVII-го столѣтія (см. стр. 87—99) монашеская братія Борисоглѣбскаго монастыря пѣзъ 365 дней въ году питалась 82 дня „большимъ кормомъ“, 20 дней „среднимъ“ и 37 дней „меньшимъ“. Нашъ лѣтописецъ умалчиваетъ о томъ, былъ-ли въ остальное время года кормъ хуже меньшаго, т. е. понижалось-ли его гастрономическое достоинство до уровня самой скудной монашеской трапезы, согласно иноческому уставу, или-же, напротивъ, и меньшій кормъ все-таки былъ лучше обыденнаго стола?—Лѣтописецъ, напротивъ, тщательно опредѣляетъ: когда и что должны творить монахи на поминъ души или за здравіе вкладчиковъ, т. е. пѣтъ-ли папихиды, или обѣдни, и притомъ всѣмъ соборомъ, или-же съ менѣе торжественною обстановкой, послѣ чего слѣдовали тризны. По мѣ-

сяцамъ, онѣ распредѣлялись такимъ образомъ: въ январѣ было 15 тризнь (кормовъ), въ февралѣ 14, въ мартѣ 12 или 13 (въ точности неизвестно; см. стр. 89); мѣсяцъ апрѣль былъ скуденъ въ означенномъ отношеніи, доставляя братіи только 5 тризнь, пзъ конхъ, правда, 4 были съ „большимъ кормомъ“; затѣмъ въ маѣ мѣсяцъ насчитываемъ 15 кормовъ; на долю іюня мѣсяца приходилось 9 кормовъ, а въ іюлѣ было только 6 кормовыхъ дней, въ августѣ 10, въ сентябрѣ 11, въ октябрѣ 14, въ ноябрѣ 10 (все „большіе кормы“) и наконецъ въ декабрѣ 14 кормовъ.

При этомъ является еще вопросъ: какъ поступало ростовское монашество въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одинъ и тотъ-же день совпадали тризны по нѣсколькимъ усопшимъ?—Можетъ статья, изобиліе трапезы превосходило тогда уже и самый „большой кормъ“. Такъ, напримѣръ, оказывается (см. стр. 98), что 8-го декабря былъ кормъ по царицѣ великой иночинѣ Марфѣ, да по царицѣ Аннѣ Васильчиковой, да по княгинѣ инокинѣ Александрѣ Пенковой. Последній кормъ обозначенъ ясно „большимъ“, о первыхъ же двухъ сказано неопредѣленно. Вотъ и другой примѣръ: 22 декабря (см. стр. 99) братія получала средній кормъ по Настасьѣ Григорьевнѣ Гнильевской и того-же дня—еще большой кормъ по другихъ усопшихъ. Итого полтора корма, если мы допустимъ математическую вѣроятность, что большой кормъ относился къ среднему какъ 2: 1, а средній къ меньшему—

въ той-же пропорціи,—тогда мы поймемъ, что выпадали такіе счастливые дни, въ которые монастырская трапеза въ два, въ полтора или въ три четверти раза была обильнѣе „меньшаго“ корма. Допустимъ, впрочемъ, еще одно предположеніе, весьма вѣроятное и желательное съ Христіанской точки зрѣнія, именно то, что въ означенные дни весь прензбытокъ отъ трапезы удѣлялся сирымъ и убогимъ богомольцамъ, стекавшимся въ Борисоглѣбскій монастырь. Но лѣтописецъ о томъ умалчиваетъ, заставляя лишь догадываться, что монашествующая братія награждала бѣдныхъ людей—странниковъ и странницъ—не только духовною, но и тѣлесною пищею.

Упрекать ростовскаго лѣтописца за неразъясненіе этого вопроса и вообще за крайнюю сжатость и сухость его лѣтописи, касающейся исключительно „кормовъ“, не слѣдуетъ. Онъ поступалъ строго-вѣрно и согласно своей задачѣ. Онъ одинаково равнодушно вносилъ въ свой „трудъ смиренный, безыменный“ имена жертвователей, цѣнность ихъ вкладовъ, количество и качество таковыхъ, а затѣмъ объяснялъ, что должна была творить монашествующая братія, сообразуясь съ волей вкладчиковъ. Затѣмъ онъ нейдетъ дальше ни на одинъ шагъ. Въ его лѣтописи мелькаютъ имена и неизвѣстные, и крупно-историческія. Тутъ и царь Иванъ Васильевичъ съ жертвами его гнѣва; тутъ и его многочисленныя жены-царицы; тутъ и Борисъ Годуновъ, и „тишайшій“ царь Алексѣй Михайловичъ; наряду съ ними: крестьяне, епископы, простые чернецы,

патріархи, торговые люди, митрополиты, подьячіе, игумны, князья и княгини и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, тутъ вся Русь, начиная съ Грознаго царя, окруженнаго тѣнями (какъ выражается нашъ лѣтописецъ) „опальныхъ людей“, и кончая бѣднякомъ-смердомъ. Но въ этомъ разнообразіи есть удивительное единство. Это—*вѣра*. Всѣ—отъ царя до его послѣдняго раба, котораго онъ считаетъ за ничто, всѣ вѣруютъ въ чудодѣйственную силу своихъ жертвъ предъ святыми угодишками Борисомъ и Глѣбомъ; всѣ наполняютъ монастырскую казну, по мѣрѣ своихъ средствъ. Золото и серебро, села и деревни и самыя ничтожныя вклады запосылаются въ монастырскую лѣтопись ея творцомъ, какъ уже замѣчено, съ одинаковымъ безпристрастіемъ. Для лѣтописца нѣтъ ужасной пропасти между добромъ и зломъ, между правдой и кривдой. Одинаково твердымъ почеркомъ онъ пишетъ, что вотъ такого-то лѣта и дня пожертвованы такимъ-то крестьяниномъ „меринъ каръ да корова“ за его здравіе; а вотъ-де царь и господарь Иванъ Васильевичъ всея Руссиі прислалъ по опальныхъ людяхъ, по Никитѣ Фуниковѣ „съ товарищи“, „триста рублевъ денегъ“. Обитель получила извѣстный вкладъ; она обязана творить за вкладчика извѣстныя молитвы, давать братіи тѣ или другіе кормы: вотъ что важно для монастырскаго лѣтописца! На все остальное онъ смотритъ спокойно, равнодушно, „не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“.

Послѣдуемъ сему благому примѣру.—Хотя для современнаго изслѣдователя старины и труд-

по удержаться на почвѣ ледяного равнодушія даже относительно дѣяній такой сѣдой старицы, какою составляютъ XVI и XVII вѣка, по пишущій настоящія строки постарается не выходить изъ предѣловъ своей скромной задачи при изображеніи хозяйственнаго строя одного изъ ростовскихъ монастырей.

Замѣчу здѣсь, кстати, что Борисоглѣбскій монастырь не составляетъ какого-либо особенно—рѣдкаго исключенія изъ другихъ подобныхъ ему святыхъ обителей. Монастырскіе порядки въ Ростовской области были вездѣ одни и тѣ-же. Слѣдовательно, добытые мною документы едва ли въ чемъ нибудь существенномъ отличаются отъ другихъ, подобныхъ имъ, историческихъ памятниковъ. Къ сожалѣнію, таковыхъ сохранилось у насъ, сколько мнѣ извѣстно, очень мало.

Ростовскій Борисоглѣбскій монастырь не принадлежалъ къ числу тѣхъ захудалыхъ, бѣдныхъ обителей, которыя скрывались въ глуши дремучихъ лѣсовъ нашей Сѣверной Руси, создавшей великое Московское государство. Напротивъ, монастырь былъ чрезвычайно богатъ. Онъ пользовался милостями царей двухъ династій, послѣднихъ Рюриковичей и первыхъ Романовыхъ. Но жертвы, исходившія отъ московскаго престола, доставались старцамъ Борисоглѣбскаго монастыря еще гораздо раньше—чуть-ли не съ первыхъ годовъ существованія этой святой обители, вѣроятно, по вниманію великихъ князей къ важности нравственно-душеспасительныхъ, а также и государственныхъ заслугъ св. митрополита Сергія, кото-

рый покровительствовалъ Борисоглѣбскому монастырю. (*)

Благодаря великокняжескимъ милостямъ, монастырь (вскорѣ послѣ своего основанія) преобразился изъ тихаго пустынножителства въ собственника селъ и деревень. Вотъ—первый видъ *монастырской собственности*. Прослѣдивъ ее по „Кормовымъ и Вкладнымъ Книгамъ“, мы встрѣтимъ не мало любопытныхъ подробностей.

Оказывается, что прадѣдъ царя Ивана IV, великій князь Василій Васильевичъ Темный, награждалъ сей монастырь цѣлою вотчиной: далъ село Шулце (нынѣ село Шульцъ), съ деревнями. (*) Затѣмъ, начиная со времени Грознаго, недвижимыя монастырскія имѣнія быстро увеличиваются.

Такъ, на поминъ душъ своихъ родителей, великаго князя Василя Ивановича и Елены (Глинской), а также „и по прародителяхъ своихъ и по своей царницѣ великой княгинѣ Анастасіѣ“, съ царевичами, Иванъ Грозный пожертвовалъ два села: Воскресенское и Степанчиково, присоединивъ къ этой значительной жертвѣ нѣсколько деревень и пустошей, изъ коихъ названа лишь одна пустошь Березники. Даря

(*) Исторію его мы здѣсь излагать не будемъ, такъ-какъ она уже извѣстна по другимъ сочиненіямъ. Лучшее описаніе этого монастыря (по справедливому замѣчанію В. И. Лѣствицына) принадлежитъ г. Боголюбскому и напечатано имъ въ «Прославск. Епарх. Вѣдомостяхъ» за 1864 годъ. *Лет.*

(*) Число и названія послѣднихъ, къ сожалѣнію, не обозначены въ «Кормовыхъ Книгахъ». *Лет.*